

*А. М. Положенцев**

СМЕНА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация: В статье рассматриваются основные моменты строения новоевропейского субъекта, взаимосвязь самосознания и экзистенциальной практики сингулярности с социально-политическим пространством современности, а также возможная деформация экзистенциальной парадигмы в связи с режимом самоизоляции в условиях пандемии.

Ключевые слова: экзистенциальная парадигма, самосознание, ressentiment, самоизоляция, коронавирус.

A. M. POLOZHENTSEV

A CHANGE IN THE EXISTENTIAL PARADIGM

Annotation: The article deals with the main points of the structure of the new European subject. How does self-awareness and its existential practice of singularity constitute the socio-political space of modernity? As well as the possible deformation of the existential paradigm in connection with the regime of self-isolation in the context of a pandemic.

Key words: existential paradigm, self-awareness, resentment, self-isolation, coronavirus.

Под экзистенциальной парадигмой мы будем иметь в виду совокупность акций — как сугубо практических, так и когнитивных, — которые соответствуют определенной онтологической установке. Экзистенциальная парадигма — это та сила, которая связывает эти довольно разрозненные практики в один пучок, соподчиняет их единому принципу, пусть и не выраженному в какой-то

* *Положенцев Андрей Михайлович*, кандидат философских наук, доцент кафедры этики Института философии Санкт-петербургского государственного университета.

одной ясной максиме. Поясним. Допустим, у нас есть онтологическая установка — субъект (как метафизическая конструкция акта познания). «Мы» (новоевропейская философия) его долго исследовали и проектировали. С его помощью мы корректировали процесс познания: нам открывались всемирные законы и создавалась современная техника. Мы поняли, «как он возможен» и какие возможности для познания он дает. Мы провели работу классической философии от Декарта до Канта. В общем, создали философию субъекта, подобно тому, как в свое время афиняне создали философию мудреца. Затем мы перешли к практике, к воплощению субъектности, и у нас возникли вопросы, на которые у нас не оказалось единого «трактата»: а как этот субъект будет жить? Какие цели он себе будет ставить? На что опираться в своей деятельности — помимо принципов рационального познания? Какая экзистенциальная парадигма будет соответствовать его сущности? Как наилучшим образом он будет раскрывать свои способности? Конечно, в реальности все происходило не так, но данная экзистенциальная парадигма, раскрыв свою эпистемологическую пригодность, стала инкрустироваться в форму самознания. В этом случае нам по-иному откроется новейшая история — мы увидим в ней этапы воплощения субъекта. Ему понадобились национальные государства с декларациями его естественных прав и свобод, и отдельные квартиры с пылесосами и кофемолками. Субъект создал условия, соответствующие его целям и активности. У него появились ценности, этика, социальность, потребности, смысл существования, жертвы этому смыслу и серьезные просчеты в своих целях (например, революция и война, Холокост и Хиросима). И еще тысячи вещей и правил обращения с этими вещами. Но мы должны помнить и понимать, что это не совокупность разрозненных случайных событий и изобретений, а последовательное разворачивание жизни субъекта. Можно привести некоторые примеры критики экзистенциальной парадигмы новоевропейского субъекта: «От Канта к Круппу» В. Ф. Эрна; «Буржуа» Вернера Зомбарта; репортаж Ханны Арендт «Банальность зла»; «Одномерный человек» Г. Маркузе, «Общество потребления» Ж. Бодрийяра... Эти (и некоторые другие) исследования не просто «громят» «материалистические принципы бездушной цивилизации» (как это делали социалисты — Прудон, Маркс, З. Бауман...), а именно пытаются уловить связь между метафизическими установками новоевропейского субъекта и их экзистенциальным воплощением.

Эти практики взаимосвязаны, и послеобеденный десерт связан с «естественными правами» более жесткой логикой, нежели с аперитивом.

Новоевропейская метафизика в лице Декарта и Канта открыла субъекта как свободное существо и — перенесла это свойство на индивида. То же самое было сделано в свое время ранним христианством, но следует заметить, что европейская философия, в отличие от античности и христианства, связала человека со свободой лишь в метафизической плоскости, но — не менее фундаментально. Субъект не мог быть совершенно свободным, но лишь ноуменально. Очевидно, что данная практика свободы оставляет неприкосновенность внутреннего мира, даже прямо гарантирует его. Чтобы иметь возможность мыслить, необходимо быть свободным. При этом сама свобода оказалась возможной лишь в качестве абсолютно ноуменальной сущности, вещи-в-себе. И именно поэтому никто теперь не вправе лишать субъекта права на свободу. Она стала его внутренней сущностью, и лишение субъекта ноуменальной свободы означало лишение его феноменального бытия.

Мы, кстати, должны отметить, что обе эти метафизики освобождения (раннехристианская и новоевропейская) предшествовали освобождению социальному, предваряли его. Но в обоих случаях «что-то пошло не так». И тут и там вмешался обычный человеческий «дьявол» — экономика, которая успешно начала утилизировать эту свободу. Так у нас появился либеральный рынок и либеральная идеология. И они принесли с собой некоторые экзистенциальные практики, которые мы продолжали воплощать довольно долгое время. Мы возьмем лишь ключевые моменты воплощения этих метафизических установок субъектности.

Наиболее логичной, но и скрытой была практика сингулярности, которая вписана во все современные конституции и билли о правах. Наиболее последовательно ее выразил, видимо, Макс Штирнер с его культовой максимой «читать самого себя». «Единственность» — вот экзистенциальная практика новейшего человека. В современных социально-политических паттернах поведения и воспитательных стратегиях можно увидеть не просто призыв или декларацию права быть исключительной сингулярностью, а принуждение к ее культивации. Конечно, она по-своему трагична и неврастенична, она ставит практикующее ее самосознание на край бездны, — конечно, единственность всегда сопровождается созерцанием ничто. Однако перед таким

сознанием всегда широко раскрывала двери социальность с ее изобилием — сегодня (изобилие культуры потребления) или в будущем (изобилие коммунистической идеологии). А что поделаться? Субъект мыслит аподиктическими категориями — «все или ничего».

Это изобилие и его потребление, кстати, нельзя полностью уложить в мифологию карго-культов о Золотом веке и в сетку естественных потребностей человеческого организма с его аффективной ненасытностью. Дескать: человек жаден, жаден, жаден как... капиталист. И этим объясняется его тяга к изобилию. Но ведь он еще, как мы помним, разумен и практичен, и потому его патологическая аффективность должна удивлять, а не успокаивать. Формулы «Я=Я» и «*cogito ergo sum*» весьма бедны на содержание, они, по сути, — пустые тавтологии. У субъекта нет лица и имени, нет мифа, нет собственности, нет любимых и родни. Он «сам по себе», со своей экзистенцией и аподиктической жаждой бытия, но вот *кто* он такой — загадка, особенно для него самого¹. И потребление изобилия должно просто выполнять свою логическую функцию — определять субъекта, раскрывать его, говорить, кто он такой — для себя, конечно, но и для других субъектов.

Второй чертой, связанной с первой, и даже вытекающей из нее, из дикой сингулярности субъекта, стала его рессентиментальность. Я имею в виду понятие, которое ввел в философский оборот Ницше и более подробно раскрыл Макс Шелер, который в рессентименте выделял в первую очередь негативную эмоцию, «злойный посыл враждебности» и мстительный импульс в отношении к другому². Рессентимент вырастает из невозможности мести. Но ведь месть невозможна не столько потому, что я «слаб» и не в силах отомстить «сильному», а потому, что она запрещена современным правом. Месть есть нормальная реакция организма, является законом обычного права («око за око»), «месть уравнивает оскорбленного и оскорбившего», но современное право делает ее невозможной. «Сильные» поэтому выглядят не особо сильными, раз вынуждены прикрываться противоестественными законами, заграждающими нормальную реакцию на их действия. Тем самым политическое устройство копит рессентимент, и в итоге он прорывает невидимые границы социальной дифференциации. Помимо феноменологии рессентимента, Шелер затрагивает его политические корни. Рессентимент есть не просто форма злопыхания рабских душ, как полагал Ницше, а результат политики всеобщего равенства³. Шелер, ссылаясь на Зомбарта, говорит о «страшном

взрыве ressentimentа во времена французской революции»⁴ и формулирует прямую зависимость количества ressentimentа в обществе от идеологии формального равенства. Но формальное равенство — не идеология, а форма бытия субъекта.

Не то чтобы субъект ненавидел других, — ressentiment, видимо, является следствием тождественности одного «Я=Я» любому другому. Ничего уникального ни одно его из себя не представляет. Его уникальность лишь в том, что «Я» существует, лишь пока именно оно может воспроизводить эту пустую тавтологию. Но она настолько проста, что ее может практиковать абсолютно любое мыслящее существо, и, похоже, как утверждает, например, Дж. Серль, это удовольствие может быть доступным не только человеку⁵. В общем, все субъекты делают это, и делают абсолютно одинаково. Но при этом в плане экзистенции эту операцию нельзя отобрать у другого человека, заставить прекратить его ее делать. Более того, социальные системы модерна всячески защищали любые покушения на ограничения этой практики и наперебой предлагали право на ее осуществление все большему кругу «третьих» лиц: рабочим, крестьянам, женщинам, цветным, гомосексуалам, детям, животным... Субъектность как социальное качество разрушает привычную социальность с ее расизмом, сексизмом, национализмом, эйджизмом, гуманизмом и ущемляет права и качество экзистенции у ранее привилегированных форм социального бытия. И эти формы негодуют в ответ. Ressentiment порождает ответные реакции, и они так же неблагоприятны, как и их причина. Ressentimentальность — некое нормальное состояние самоосознания субъекта, который вынужден самоопределяться исключительно через внешние и потому случайные атрибуты. В глубине у всех одно и то же нутро: «Я=Я».

Так и получается, что ressentiment — не удел ворчливых буржуа, вечно недовольных обывателей, гниющих от зависти к высшим кастам. Ressentimentален Штирнер по отношению к Гегелю, Маркс по отношению к Штирнеру, Ницше по отношению к Сократу, христиане по отношению к атеистам, православные по отношению к католикам. Все «терпеть не могут» всех. Художники, писатели, поэты. Что уж говорить про политиков и бизнесменов, само профессиональное поле которых уложено трупами неудачливых соперников, павших жертвой собственного ressentimentа? Макс Шелер определил ressentiment как экзистенциальную ненависть к самому существованию другого, которая не может простить другому бытию того, что «Я» не есть

“Ты”»⁶. И оно — следствие распространения трансцендентальной операции «Я=Я» в социальность. Социальное поле теперь представляет собой эмоциональную негативность («ад — это другие»), тогда как позитивность сосредоточилась в глубинах единственного, купающегося в любви к себе⁷.

Однако рессентимент сам по себе — сила отрицания, длительную стратегию на нем не построишь. Его оборотная сторона, его положительный модус — тщеславие. Между этими полюсами самосознания (а не по причине, например, алчности) вспыхивает довольно забавная форма активности, которая, собственно, и составляет содержание нашей экзистенциальной парадигмы. Субъект жаждет действия и создает соответствующую этой жажде реальность, социальные условия для осуществления деятельности. Сначала он создает метафизику действительности, die Wirklichkeit, прочитывая реальность как результат собственной активности. Затем он начинает осваивать эту действительность, погружая в нее свою экзистенцию. От теоретической философии и осмысления производства (когда субъект стал Капиталом) он переходит к обыденности. Теперь эта спонтанная активность должна управляться и... возобновляться. Конечно, здесь присутствует гетевский мотив из «Фауста»: да, мы живем внутри фаустовской культуры, для которой «Im Anfang war die Tat», и Фауст есть субъект, для которого остановка мгновенья есть смерть. Только следует помнить, что главная деятельность его направлена на постоянную переделку самого себя. Субъекту неуютно в простом и бессодержательном «Я=Я», к тому же он знает о природной кривизне своего существа, и он требует исправления неудачных версий. В этом его смысл существования, он его называет «поиском себя». Он борется с Творцом или с природой, находя в себе все более «несовершенств», щербинки, поскольку природа не любит идеальных форм. И он стыдится своей природы, как Плотин стыдился, что воплощен в теле. «Человек есть нечто, что следует преодолеть». И вот, ему предлагают совершить «апгрейд» самого себя, купив тренинг «Как стать лучшей версией самого себя».

Мы найдем огромное количество пособий, гидов и тренингов по управлению этой активностью, что, собственно, говорит о том, что она неуправляема, хаотична, что эта активность безвекторна. Разного рода руководства обещают помочь нам эту активность усмирить, куда-то направить и, в итоге, капитализировать. Ното economicus есть как раз результат менеджмента этой энергии, однако стоит заметить, что труд — лишь одна из форм

утилизации этой активности. Стремятся «работать» все, не только рабочие: врачи, юристы, учителя, художники, поэты. Даже философы теперь работают. «Работа» есть теперь категория физики, а не только мира социального. И, конечно, она — источник свободы, как мы помним. Свобода и труд сошлись в субъекте, как «лед и пламень», или как «единство противоположностей».

Экзистенциальная парадигма одномерного мышления (того, о котором писал Г. Маркузе) формируется практиками «коучинга», как я их здесь буду называть. Речь в них идет о формировании «правильного» или «успешного» мышления, — некий последний выхлоп позитивизма, который проник уже во все печенки. Эти практики давно сформировали свою субкультуру: со своей иерархией авторитетов, со своей метафизикой, онтологией, гносеологией и даже космологией (ее, например, пытаются обосновать с помощью некоторых парадоксов теории относительности). Там есть «разумная вселенная», раздающая яхты и миллионы в ответ на искреннюю просьбу и выраженную благодарность, взаимосвязь различных онтологических уровней, выстраивающих ваш собственный мир из желаний и их воплощений, правила социальной коммуникации и эмоциональной жизни, приводящие вас прямоком к вашей мечте. Но «список мечт» (личный остров, вилла, самолет, «Мазерати»...), который предлагают составить ваши проводники в мир потребительского рая, взят из одного каталога. Необходимо «попробовать все». Но это все довольно однообразно. Не получится в этот список впихнуть «написать симфонию». Нет — «написать всемирную симфонию, которую будут умолять исполнить в Карнеги-холле», — это да. Написать — не книгу, а — «мировой бестселлер, который будет продаваться миллионными тиражами». Вот что опытные коучи советуют просить у Вселенной (у них есть своя онтология просьбы — то есть обоснование, *почему* можно просить, и практика — набор техник, *как* нужно просить). «Возможно все», «ты достоин любых благ» — главные лозунги этой культуры. Они бьют без промаха, поскольку нажимают на самые доступные мозоли нашей феноменальности. «Все» — здесь имеется в виду, конечно, все табуированное и недоступное в классической социальности (запрет чего, скажем, делал эту социальность, создавал ее из различного вида ограничений, с помощью которых культура достигала сублимации желаний). «Нужно попробовать все» означает здесь — все пороки и наслаждения. Никто не пытался открыть теорию относительности или тратить полжизни на написание поэмы, но все решили вкусить непривычных удовольствий: в сексе, пище, экстриме, обладании.

Эту субкультуру не очень-то критически исследуют современные философы, ограничиваясь простым неприятием и насмешкой, либо пользуясь ее методами для собственного продвижения. Ведь она предлагает очевидные практики успешного внедрения на самый верх социальной цепочки культуры потребления. Максимы этой субкультуры — сам здравый смысл. «Навыки позитивного мышления», «привычки успешных людей», «думай и богатей». По чисто физическим законам такая конструкция вынуждена опрокинуться, так как все эти коучинги представляют собой игру с нулевым балансом, хотя в их космологических теориях и декларируется бесконечное изобилие благ и удовольствий в недрах дружественной вселенной. И, вместо контроля над собой, вас в лучшем случае могут научить лишь стратегии коуча, обихаживающего свою клиентеллу. (Так, одним из условий достижения личного роста вы найдете условие регулярной покупки новых курсов по саморазвитию.)

С одной стороны, мы имели резервуар с неограниченными ресурсами, которые представляла современная технократическая культура и ее финансовая система, с другой — множество стратегий доступа к этим ресурсам. Степень доступа к этим ресурсам зависела от способности субъекта «быть креативным». Да, креативность — неотъемлемое свойство субъекта, так он понимает свою спонтанную активность. Экзистенциальное пространство было наполнено бесконечными целями — далекими и близкими, невероятными и осязаемыми, с помощью которых можно было создать лицо, имя, тело, *habitus*, — в общем, натянуть на нашу мыслящую вещь соответствующую ей протяженную субстанцию. Сформировались даже своеобразные формы реакции на этот бег внутри колеса современной социальности в виде антиконсюмеризма, фриганства, движения *Slowness*. Мы знаем некоторые философские течения в античности, которые разрабатывали схожие формы этики. *Λάθε βίωσας* («живи незаметно»), *bene qui latuit, bene vixit* («тот хорошо живет, кто хорошо спрятался») — их максимы. (Если вспомнить Хайдеггера, то философ здесь должен занять позицию, онтологически противонаправленную истине, *ἀ-λήθεια*). Христианское *ταπείνωσις*, «смирение», также было подобной реакцией на старую экзистенциальную парадигму античности, *ὑβρις*. Но само сравнение этих двух осей «быстро — медленно» и «выделяться — быть незаметным» говорит нам о том, насколько мы разные именно в экзистенциальном плане, как редко пересекаются экзистенциальные горизонты наших исторических парадигм.

* * *

Но вот грянул гром среди ясного неба. Поначалу никто не верил в реальность угрозы. Все понимали ее абсурдность, несовместимость с современными формами экономической, политической и культурной жизни. Непонятные силы принуждали к немедленной остановке грандиозных проектов, не давали возможности их законсервировать, заморозить. Но и самым могущественным, упорным и заинтересованным защитникам status-quo пришлось смириться и замолчать буквально «в тряпочку». «Вдруг» в одночасье оказалась временно недоступной сама опора, на которой развивалась данная культура, — сфера публичной социальности. Начал притормаживать маховик, ради которого затевалась всякая мобильность, — как социальная, так и физическая. Закрылись границы, остановились самолеты и поезда, школы и университеты, супермаркеты и рестораны, бутики и стадионы, театры, музеи и библиотеки. Все, в чем позитивно мог проявить себя субъект, — оказалось под запретом. Прогулки, рукопожатия, пища, посиделки, вечеринки, дыхание — все стало смертельным. За исключением виртуальности. Единственное пространство, в котором жизнь закипела с удвоенной силой, оказалось виртуальным. Мы уже поняли, что и там можно жить, совершать свое тихое «единство апперцепции». Все бы ничего, но субъект знает, что это его смерть. Здесь исчезает живое соединение операции «Я=Я» с моим онтическим существом. Там, по ту сторону экрана, — совсем иное существо: это — не моя копия, это — мой цифровой двойник. Эта сущность автономна, независима от «Я», не является даже его копией. Но об этом сейчас не будем начинать.

Социальную активность, которая обеспечивала субъекта экзистенциальными ориентирами, предложено понизить на несколько уровней. Энергию действия отныне ему придется гасить в практиках имманентного выживания. И предупреждают, что это «всерьез и надолго». Что будут еще рецидивы, как только реализуется возможность «прикрыть» уже начатые важные проекты, когда будет создана техническая и социальная база для новой реальности. Что грядет «новая нормальность». Грубые подсчеты говорят о том, что она не сможет гарантировать былое изобилие. Что основные события для индивида отныне будут происходить в мире виртуальном. Здесь, кстати, создать требуемое изобилие будет намного легче, цифровых яхт точно хватит всем. Не вполне достойно быть лишь результатом социального воображения.

Подлинность в прошлой парадигме все же была за индивидом, хоть и не очень симпатичным существом — эгоистичным, тщеславным и мстительным. Да, наша прошлая социальная онтология номиналистична, реализм оставался в глубоком прошлом. Реальностью обладал в первую очередь Единственный и неделимый, индивид. Штирнер озвучил метафизическую практику, на которой основывалась современность. Но, видимо, открыли ее и сделали действительным метафизическим фундаментом современности Декарт и Кант. «Я» и его свобода — вот подлинно вещи-в-себе, которые абсолютно открыты мышлению. И эта свобода теперь вынуждена спрятаться в субъекта еще глубже, поскольку места в феноменальности для нее стало еще меньше. Ведь действительно, чтобы действовать, нужны элементарные вещи: пространство и свобода.

Посягательство на эти важнейшие фундаментальные условия бытия субъекта со стороны обретающих могущество именно за счет его свободы политических систем современности философски рефлексировалось много раз. Противоречие стало компромиссом и, в общем, всех устраивало. В свое время (после революций, которые с собой принесла метафизика субъекта) был найден баланс, и ничто не предвещало того, что паритет сил между экзистенцией и социальностью (госконтроль в обмен на потребление) кто-то будет нарушать. Индивиду это не нужно, поскольку вместе с этим паритетом он потеряет воплощение своей индивидуальности, а современное государство (неважно какое, как социальный институт) не станет его нарушать, поскольку эта сделка и была его целью. Государства питались этой экзистенцией. И вот оказалось, что — нет. Именно государство решило расторгнуть контракт. Как, разве оно — самоубийца? Или оно нашло другой способ самовоплощения? Видимо, да.

Герберт Маркузе в своей книге «Одномерный человек», которую можно считать началом философского осмысления общества потребления, говорит: «Не служит ли угроза атомной катастрофы... защите тех самых сил, которые стремятся увековечить эту угрозу?»⁸. Честно сказать, вопрос звучит риторически. Видимо, тот вид угрозы оказался слишком затратным, потому что человечество на наших глазах создает более надежный фундамент для длительного контроля, который уже не будет требовать оплаты в виде потребительского рая в обмен на гонку вооружений. Видимо, будет достаточно равенства в получении виртуальных благ и виртуальной свободы. Речь,

конечно, о «коронавирусе». А точнее — о тех социальных и экзистенциальных практиках, которые он уже принес и еще принесет. Последние события, в которых совершается деформация социального поля, говорят о том, что пора сменить нам экзистенциальную парадигму. Вернее, что она уже меняется. В первую очередь, мы увидим отмирание различных форм потребления, которые обслуживали сложную систему социальных различий, сокращение стилей жизни оффлайн. Это очевидно, но, когда одна часть экономики кричит о конце света, другая (цифровые технологии) празднует триумф. Да, видимо, акции авиаперевозчиков будут падать, но посмотрите, как взлетел ZOOM, о существовании которого три месяца назад вряд ли кто-то знал из читающих этот текст, включая автора. За экономику мы как раз спокойны. Гораздо более значительные изменения произойдут в структуре самосознания. Субъект не сможет стать полной монадой, так как в нем присутствует колоссальный архаический слой в виде практик символического самоутверждения, но при сочетании собственного желания и внешнего принуждения в нем может измениться очень многое. О привычной социальной следует начинать забывать. И, конечно, от античных, средневековых и новоевропейских парадигм личности тем, у кого они еще остались, следует начать кардинально избавляться. Или вставать в конфронтацию и поиск, что для философа более естественно.

Всем понятна онтология вируса. Он не сопутствует коммуникации — он и есть коммуникация. Поэтому карантинные меры в итоге перестраивают структуру социальности, а не вредят вирусу. Как в прошлом ее перестраивали вирусы чумы, холеры, оспы — по очереди и все вместе. Можно сказать, что вирусы паразитируют на социальности, а можно — что они создают ее, призывают хозяина к коммуникации. Нам это не дано знать. Как не дано знать и о целях и результатах такого принуждения к смене коммуникации. Ведь уже исчезли элементарные проявления вежливости, общительности, приветливости. А это — наиболее архаичный и нерелексивный слой коммуникации. Эти паттерны не просто невыгодны, они под ограничением. Аристотель, мы помним, говорит в «Метафизике», что природа человека — познание, а в «Политике» — коллективизм (πολλοί — это *толпа, масса*, еще не политичность). Человек — не зверь и не бог, он не может жить в одиночестве. Знание и общество — просто два модуса одного процесса. Контакт, сопровождающий жизнь в коллективе, является и проводником знаний. Знание и вирус — это

варианты коммуникации. Этот факт, конечно, не откроет нам природу нынешней пандемии, но откроет природу субъекта, которому необходимо утверждать свое существование через сообщение своих внутренних содержаний другим посредством живого общения, а не с помощью виртуальных суррогатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта загадка, видимо, связана с самим устройством его познания, ведь он создавался именно как инструмент познания, а не воли. Позитивизм упрекал его за неуместность вопроса «что?» и предлагал ориентировать мышление на вопрос «как?». Но субъект не может отвечать на вопрос «кто?», поскольку поиск quidditas есть цель его создания. Среди феноменального мира атомов и пустоты личностей не может быть, они лишь факторы его ноуменальности (монады). Он и себя, в общем-то, понимает как «что» — совокупность качеств неделимой (in-dividual) сущности.

² Шелер М. Рессентимент в структуре моралей. Пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб., 1999. С. 10.

³ «Максимально сильный заряд рессентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактическое власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т. е. в таком обществе, где каждый имеет “право” сравнивать себя с каждым и “не может сравниться реально”. Здесь совершенно независимо от индивидуальных характеров и переживаний в самой *структуре социальности* заложен мощный заряд рессентимента, с которым обществу придется считаться». Там же. С. 21–22.

⁴ Там же. С. 20. Прим. i.

⁵ Нарочно спросил Алису от Яндексa: «Алиса, ты существуешь?». Она ответила: «Я мыслю, следовательно, существую. Но на этом пока и всё». Очень корректный ответ.

⁶ Шелер М. Цит. Соч. С. 25.

⁷ Сартр здесь по-философски афористичен, а вот Гончаров в романе «Обломов» расписывает глубоко и гротескно феноменологию внутренней боли, которую приносят «другие» в известном конфликте Обломова со своим слугой Захаром. Приведу несколько цитат, выражающих суть дела: «— Я думал, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно... — сказал Захар. — Что? Что? — вдруг с изумлением спросил Илья Ильич, приподнимаясь с кресел. — Что ты сказал? <...> — Другие не хуже! — с ужасом повторил Илья Ильич. — Вот ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно, что «другой»! <...> — Другой — кого ты разумеешь — есть голь окаянная, грубый, необразованный человек, живет грязно, бедно,

на чердаке; он и выпится себе на войлоке где-нибудь на дворе. Что этакому сделается? Ничего. Трескает-то он картофель да селедку. Нужда мечет его из угла в угол, он и бегаёт день-деньской. <...> Другой есть такой человек, который сам себе сапоги чистит, одевается сам, хоть иногда и барином смотрит, да врёт, он и не знает, что такое прислуга; послать некого — сам сбегает за чем нужно; и дрова в печке сам помешает, иногда и пыль оботрет... — Из немцев много этаких, — угрюмо сказал Захар. — То-то же! А я? Как ты думаешь, я «другой»? <...> Ты разбери-ка, как «другой»-то живет? «Другой» работает без усталости, бегаёт, суетится, — продолжал Обломов, — не поработает, так и не поест. «Другой» кланяется, «другой» просит, унижается... А я? Ну-ка, реши: как ты думаешь, «другой» я — а? <...> Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худощав или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать — есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава Богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты все это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался. Так как же это у тебя достало духу равнять меня с другими?». *Гончаров И. А. Обломов. Роман в 4 частях. Ч. 1. Гл. VIII.*

⁸ *Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. А. Юдина. М., 1994. С. X.*